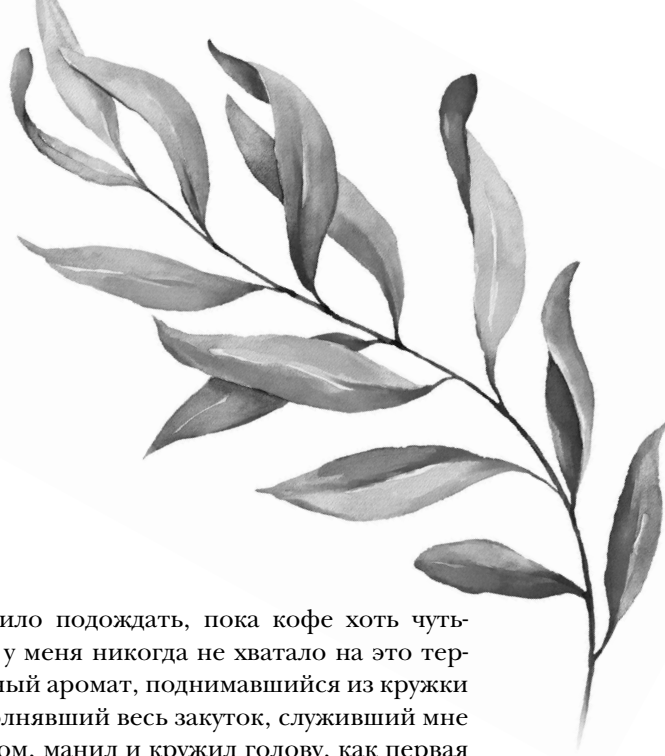

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

ЭПИЗОД 1

Катя
Перышко,
или
Ты живешь
только раз

Вообще-то стоило подождать, пока кофе хоть чуть-чуть остынет, но у меня никогда не хватало на это терпения. Упоительный аромат, поднимавшийся из кружки и мгновенно заполнявший весь закуток, служивший мне рабочим кабинетом, манил и кружил голову, как первая юношеская влюбленность. Чувствуя себя не в силах противиться соблазну, точно Ева в райском саду, я вынула из верхнего ящика начатую утром шоколадку с орехами, аккуратно взяла кружку, с наслаждением сделала первый глоток и сразу почувствовала себя героиней какого-нибудь фэнтези-романа, внезапно попавшей из унылых серых будней в прекрасный сказочный мир замков, волшебных цветов и добрых фей.

— А у вас, Екатерина, смотрю, очередной обеденный перерыв? И какой же по счету за сегодня — четвертый или пятый?

Я испуганно вздрогнула и чуть не подавилась горячим напитком. Издевательские нотки в голосе новой началь-

ницы хоть и стали привычными, все же неизменно продолжали достигать цели, каждый раз выводя из равновесия. А ведь только сегодня утром, по дороге на работу, я дала себе слово не вестись на провокации со стороны Змеюки Подколодовны. Но попробуй не поведись, когда директриса, появившись точно из-под земли, склонилась над тобой, постукивает по краю столешницы дорогуцим, бордовым с золотом, маникюром и смотрит с таким ехидством, что кусок застревает в горле.

— Между прочим, совещание вот-вот начнется, — с той же мерзкой интонацией продолжала Змеюка. — Но вы, конечно, были настолько заняты своим любимым кофе, что так и не удосужились распечатать презентации.

По-хорошему, сейчас был самый подходящий момент довести до ее сведения, что презентации у нас всегда распечатывал отдел маркетинга, они же и готовили материалы для совещания. Однако с появлением нового руководства и сменой доброй половины коллектива вся налаженная схема работы нашего подразделения полетела коту под хвост.

И я в очередной раз ничего не сказала, а вместо этого только выдавила из себя некое подобие улыбки, отодвинула, точно от сердца оторвала, дымящуюся кружку, нажала на нужную иконку на экране и заверила:

— Все готово, Александра Павловна, уже посылаю материалы на печать.

— Это надо было сделать за час до совещания, а не после его начала, — нравоучительно отметила начальница и уплыла в направлении своего кабинета.

Я посмотрела на часы — до совещания оставалось еще

что-то Змеюке себе дороже. Вон на прошлой неделе Даше Свиридовой после дискуссии с новой директрисой пришлось писать заявление по собственному, а я не могу позволить себе такую роскошь. Я не Даша, у меня нет востребованной специальности технолога пищевого производства, и за рабочее место, пусть и ненавистное, волей-неволей приходится держаться. Даже сейчас, когда в нашем некогда веселом и по-хорошему шумном офисе стало так неуютно. Почти все сотрудники, с которыми я была в нормальных отношениях, разбежались кто куда, не выдержав Змеюкиных методов руководства, а новых она набрала как специально — один неприятнее другого. Я человек замкнутый, застенчивый, мне трудно сходитьсь с незнакомыми людьми — и уж тем более с подобными типчиками, которых моя подруга Ирка Звонарева определяет точными словечками «токсичные коллеги».

Последняя страница презентационных материалов наконец выползла из принтера, и я стала торопливо распределять листы по стопкам для раздачи участникам совещания. Сиротливо остывающий в кружке кофе пах ноябрем и полным разочарованием в жизни.

В переговорной, как и следовало ожидать, я появилась первой. Разложив материалы по столам, направилась назад, к своему рабочему месту — надо было отослать документы в филиал в Краснодаре, — но на выходе снова столкнулась со Змеюкой.

— Екатерина, я вроде бы ясно выразилась по поводу вашего присутствия на совещании, — снова прицепилась та. — Вы должны записывать все, что мы обсуждаем, и затем напоминать маркетологам о сроках сдачи проектов.

— Я помню, Александра Павловна, даже диктофон приготовила, чтобы ничего не упустить, — завершила я. — Но у меня еще есть несколько минут, хотела до совещания отправить письмо в филиал.

Признаюсь, в глубине души я надеялась, что после таких слов Змеюка если не похвалит меня за рабочее рвение, то, по крайней мере, отстанет на какое-то время. Но не тут-то было! Холеная физиономия шефини только скривилась в язвительной усмешке.

— Ну, конечно, в вашем-то возрасте как все упомнить? Например, что письмо надо было отправить еще вчера.

— Мне всего тридцать семь лет, а не семьдесят, — не удержалась я, но тут же прикусила язык.

— Тридцать семь — это для секретаря уже пенсионный возраст, — авторитетно выдала Змеюка. — Понимая это, вы должны действовать куда расторопнее!

От продолжения неприятного разговора меня спасло появление в переговорной хипстера Миши из отдела маркетинга, «первого парня» в новой версии нашей «деревни», то есть фирмы. Чуть ли не вся женская половина коллектива тайно или явно вздыхала по этому помешанному на брендах смазливому типчику, а он с удовольствием пользовался их расположением и лез из кожи, чтобы очаровать всех и каждую. Впрочем, на меня он свое обаяние никогда не тратил, я для Миши всегда была пустым местом. Да и другие новые сотрудники обращали на меня внимания не больше, чем на принтер, и уж точно меньше, чем на микроволновку или кофеварку.

— Михаил, — Змеюка тут же порозовела и стала накручивать прядь волос на кончик указательного пальца, —

вы, как обычно, приходите раньше всех! Многим неплохо бы поучиться у вас пунктуальности.

Презирующая меня за неподобающий возраст Александра Павловна была всего-то на год младше, но ни одно из колец, которые каждый день менялись на ее костлявых, как у скелета, пальцах, не напоминало обручальное. Неудивительно, что всех женщин она считала личными врагами, а мужчин воспринимала как объект охоты.

Еле удержавшись от того, чтобы не скрипнуть зубами, я отвернулась от них и плюхнулась на самый дальний стул в углу переговорной. Раньше на общих собраниях мы обычно сидели рядом с Дашей Свиридовой, шушукались и тихонько хихикали. Но сейчас на соседнем со мной стуле устроилась, закинув одну бесконечную ногу на другую, Олеся, новый менеджер по рекламе, долговязая девица, отчего-то вообразившая себя красавицей. Впрочем, в наше ненормальное время многие действительно считают, что выпирающие, как металлоконструкции, ключицы и тощие нижние конечности буквой «Х» — это красиво. Естественно, о том, чтобы поболтать с надменной, словно особа королевских кровей, Олесей, не могло быть и речи. Да и о чем мне с ней говорить? За весь тот неполный месяц, что она здесь работала, мы не сказали друг другу и двух слов не по делу, да и вряд ли сумели бы найти общие темы для разговора.

Поэтому я включила диктофон, склонилась над блокнотом, делая вид, что старательно конспектирую каждое слово, и принялась мечтать о том, что через час, максимум через полтора это дурацкое собрание закончится. И тогда можно будет пойти на кухню и опять сварить

себе кофе. На этот раз, пожалуй, сделаю его с корицей и шоколадом — такое сочетание у меня почему-то всегда ассоциировалось с детством, солнцем и счастьем. Даже несмотря на то, что и в детстве я, собственно, тоже совсем не была счастлива. Чем больше я думаю об этом, тем увереннее прихожу к выводу, что понятие счастья мне, в общем-то, никогда не было знакомо. И вряд ли когда-нибудь будет...

* * *

— Катя, это ты? — послышался из спальни голос матери.

Господи, ну а кто же еще-то? Я кивнула в ответ, хотя вряд ли она могла меня видеть. Сбросила порядком измучившие за день туфли на каблуках и, не без труда нагнувшись, помассировала ступни. Сегодня пришлось как следует побегать по офису — такое ощущение, что Змеюка специально поставила своей целью вымотать меня, чтобы я не выдержала и сама написала заявление об уходе.

— Что-то ответа не слышу, — проворчала моя любящая мать, выходя в прихожую.

— Я устала, не хочется говорить, — вздохнула я.

— И от чего же ты так устала? Весь день, что на работе, что дома, за компьютером сидишь да кофе с конфетами и пирожными гоняешь, — послышалось в ответ. — Посмотри, как тебя разнесло! Скоро в дверях будешь застревать!

— Слушай, ну хватит уже, сколько можно...

В надежде, что на этом разговор прекратится, я направилась в большую комнату, служившую одновременно

и гостиной, и моей спальней. Но мать явно не собиравшись оставлять меня в покое и двинулась следом. Стояла рядом, наблюдая, как я переодеваюсь, и комментировала:

— Ох, Катька, Катька! Ну как так можно?! Сорока еще нет, а какой живот наела. И чего ж удивляться, что такую толстуху никто замуж не берет!

Что-то сегодня мать особенно быстро завелась. Видимо, подготовилась заранее. Делать-то ей нечего, сидит дома, телевизор смотрит и ждет моего прихода, подбирает слова, чтобы вылить все на меня, когда я наконец притащусь с работы. Раньше я сильно обижалась на нее за этот вечный бубнеж, но потом почитала в интернете статьи о ее болезни, и все стало на свои места. Оказывается, плохая работа эндокринной системы всегда влияет на психику, и здесь ничего не поделаешь. А у матери с молодости проблемы с щитовидкой, она чуть ли не с двадцати лет сидит на искусственных гормонах. Неудивительно, что отец сбежал еще до моего рождения и навсегда вычеркнул из своей жизни ее, а заодно и меня. И хоть я и злилась на отца, которого не видела даже на фото, потому что мать уничтожила все снимки, но в чем-то его понимала — не иначе мужику доставалось не меньше, чем мне.

Подруга Ирка Звонарева уже давно уговаривала меня съехать от матери и снимать квартиру, но как ее снимешь — с моей-то нищенской зарплатой! Так уж вышло, что и с профессией мне в жизни не повезло так же, как и с внешностью. Мать, всю жизнь проработавшая бухгалтером, настаивала, чтобы и я получила экономическое образование, и мне пришлось подчиниться, хотя никогда не считала математику своей стихией. В школе

отметки у меня были неважные, так что о поступлении на бюджет нечего было и думать. Впрочем, мать это предвидела и много лет откладывала деньги мне на учебу, из-за чего нам приходилось отказывать себе во всем остальном. Кто ж знал, что это проклятое экономическое образование в итоге никому не сдаться! Мы выбрали коммерческий вуз с громким названием «международный университет», казавшийся солидным заведением, поскольку его реклама в то время висела на всех столбах и даже шла по телевизору. Поступить оказалось на удивление легко, и то, что учили в универе, мягко говоря, неважно, меня, признаюсь, тогда не насторожило, а даже радовало — не нужно было напрягаться. Тем большее стало разочарование: по окончании оказалось, что мой диплом бесполезен и нигде не котируется, как и другие, якобы международные, дипломы многих «университетов» и «академий» с пафосными названиями. Не прошло и нескольких лет после моего выпуска, как все эти вузы исчезли, не пройдя аккредитацию, так же быстро, как и появились, и признаваться в том, что ты окончила один из них, стало даже неловко. Так что ни о какой карьере экономиста для меня не могло быть и речи. Помыкавшись в поисках работы больше года, я наконец устроилась, секретарем в одно из подразделений фирмы, занимавшейся производством кондитерских изделий, где и проработала четырнадцать лет, аккуратно до сегодняшнего дня. Раньше, если не считать маленькой зарплаты и дороги через всю Москву, отнимающей каждый день два с лишком часа моей и так не слишком радужной жизни, все остальное там раньше было еще более или менее терпимо. Но именно *было*

раньше — до смены руководства и появления Змеюки Подколодовны...

— Катерина, ты что, оглохла? — вывел меня из задумчивости голос матери.

— Извини, — встрепенулась я. — Что ты говоришь?

— Есть, говорю, хочешь?

— Хочу.

— Ну, конечно, когда ты отказывалась... — пробормотала мать, удаляясь на кухню. А я, отвернувшись, вытерла тыльной стороной ладони выступившие от обиды слезы. Еще не хватало, чтобы меня попрекали куском в собственном доме! Пусть оклад у меня и небольшой, но на продукты я все-таки зарабатываю. И даже на кофе остается, пусть и не столько, сколько хотелось бы.

— Что ты там застряла? — снова послышался голос матери. — Ужинать мы в следующем веке будем?

Я высморкалась, натянула футболку и потащилась на кухню.

На ужин, конечно же, опять была рыба на пару и тушеные овощи. А так хотелось после сегодняшнего мерзкого дня на работе побаловать себя чем-нибудь вкусненьким, хотя бы жареной картошкой или курицей... Ладно, ничего, перетерплю, не привыкать. И подожду до завтра. Завтра суббота, мы с Ирккой еще на той неделе договорились погулять в парке Горького, а вечером поужинаем в каком-нибудь кафе. И там я уж точно не буду давиться этой безвкусной преснятиной.

— В поликлинику, конечно, опять не сходила? — поинтересовалась мать, складывая в раковину опустевшие тарелки. — Тебе давно уже пора щитовидку проверить.

Опять двадцать пять.

— Слушай, ну сколько можно? Я же ее только год назад проверяла.

— Все равно проверь.

— Да нет никакой необходимости делать это так часто! — Не удержавшись, я повысила голос. — Ты прекрасно знаешь, что твоя болезнь не генетическая, по наследству не передается.

И мысленно добавила: «В отличие от невезения». Да, придется признать горькую правду — не только я у мамы неудачница.

— Знаю, но провериться все равно не помешает. — Мать упрямо стояла на своем.

— Ладно, — буркнула я, иначе этот разговор мог растянуться на весь вечер, и подошла к кофемашине, кредит за которую выплатила только в прошлом году. Мать, разумеется, не могла оставить это без комментариев.

— Ну вот, опять наглотаешься этого своего кофе на ночь и до утра в этом своем дурацком интернете просидишь, — завела она свою шарманку, но у меня уже не было сил реагировать. Меня ждало свидание с нежным и романтичным кофе флет уайт — единственный доступный мне уже много лет вариант свиданий.

Утро субботы выдалось солнечным, как, собственно, и должно быть в апреле. Отличная погода, предвкушение встречи с подругой и особенно удавшиеся матери сырники с малиновым вареньем на завтрак подняли настроение на уровень «жизнь не так уж и плоха». Как же жаль, что подобные светлые моменты случаются столь редко...

— Ты, надеюсь, не на весь день? — осведомилась мать, наблюдая, как я поправляю юбку у зеркала в коридоре.

— Как получится. Мы хотели еще в кафе посидеть.

— Ну вот... А я-то собралась на ужин драников нажать, ты же любишь. — Похоже, она чувствовала себя виноватой, что вчера весь вечер выносила мне мозг, и хотела таким образом подлизаться.

— Ничего страшного, нажаришь завтра, — отрезала я и, чтобы смягчить жесткость своих слов, добавила: — Я тебе помогу, картошку почищу.

Мать в ответ вдохнула так, точно я уходила не на прогулку, а по меньшей мере на войну, и поинтересовалась:

— Ты опять с Ирккой, что ли?

— А с кем же еще?

— Ну иди, иди, — милостиво разрешила она. — Может, наконец-то познакомишься с кем-нибудь. Ирка эта твоя мужиков как перчатки меняет, хоть бы пример с нее брала, что ли...

Что у матери всегда получается лучше всего, так это свести любой разговор к моей личной жизни, вернее, к ее полному отсутствию. Талант просто. Вот и сейчас, пока я причисывалась и красилась, она стояла рядом и бубнила:

— А то ведь так всю жизнь и просидишь одна... Тебе уже под сорок, когда замуж-то выходить? В пятьдесят, что ли, когда рожать уже поздно будет?

И так далее, и тому подобное...

Я проверила сумочку, все ли на месте, и поспешила выскочить из квартиры. Настроение было отвратительное.

К счастью, у подъезда уже стояла знакомая красная машина.

— Ну, давай рассказывай, как у тебя все плохо, — поприветствовала меня Ирка. Эта шуточная фраза давно уже стала для нас привычной.

— Ой, не спрашивай, — буркнула я, устраиваясь на переднем сиденье и застегивая ремень безопасности. — Все как обычно. На работе начальница третирует, дома мать доводит.

Ирка развернула зеркало заднего вида, поправила помаду на губах и, оставшись довольной своим видом, завела мотор.

Подруга была полной моей противоположностью — это замечали все, кто нас знал. Яркая брюнетка с хорошей фигурой и ростом метр семьдесят, она всегда привлекала к себе всеобщее внимание. Но причиной ее популярности была не внешность, а легкий и веселый нрав. Мы дружили со времен студенчества, с первых же учебных дней — тогда моя застенчивость только раззадорила бойкую Иру, и она решила во что бы то ни стало со мной познакомиться. А когда Ира Звонарева ставила перед собой цель, цель была обречена.

После университета Ире повезло больше, чем мне: она смогла устроиться в приличный банк и сейчас занимала должность начальника отдела верификации. Работу свою она тоже, как и я, терпеть не могла, но мирилась с ней, поскольку зарабатывала в разы больше, чем я. И несмотря на различия в социальном положении и взглядах на жизнь, мы продолжали оставаться лучшими подругами.

В отличие от меня, Ирка всегда знала, как надо правильно жить. В интернете ее интересовали не браузерные игры и фанфики, как меня, а всевозможные мотивационные статьи и аффирмации. «Быть счастливой очень легко — просто будь ею!» — вечно твердила она.

— Мать опять требует, чтобы ты вышла замуж? — осведомилась Ирка, разворачиваясь в сторону центра.

— Да постоянно! Нет уже сил это терпеть.

— А ты возьми и выйди!

— Аха-ха, смешная шутка, Ир. С моей-то невезучестью...

— Вся невезучесть в твоей голове, — отмахнулась подруга. — Пока ты сама себе не позволишь быть счастливой, ты ей и не станешь.

— Да-да, знаю я твою философию.

— Это не философия, это жизнь. Ты заблокировала доступ всего положительного к себе и даже не замечаешь этого.

Я только молча вздохнула. Ирке легко рассуждать: она со своим легким характером притягивает к себе людей, что дает много возможностей. Мне об этом приходится лишь мечтать. На работе нет ни одного человека, который бы относился ко мне как к личности, дома мать с ее перепадами настроения. Откуда ж мне взять этот проклятый доступ всего положительного? В плане отношений с противоположным полом мне с моей внешностью ничего не светит, пара неудачных опытов в прошлом это подтвердили. Успешная карьера тоже не грозит. С таким никому не нужным образованием и опытом я продержусь на своем месте еще максимум несколько лет, а дальше смогу рассчитывать разве что на место уборщицы — вряд ли кому-то придет в голову мысль взять на работу некрасивую толстую сорокалетнюю секретаршу. Сбережений у меня нет, пожилого дядюшки-миллиардера, который завещал бы мне все свое состояние и виллу на Лазурном Берегу, тоже. Так что оставалось только завидовать

Иркиному оптимизму и ее успехам на всех жизненных фронтах. Вот и сейчас, мгновенно переключившись с обсуждения моих невеселых дел на собственные, куда более радостные, подруга стала рассказывать о новом ухажере, который вчера целых полтора часа прождал ее у подъезда с цветами.

— Стойкий, однако, — заметила я. — Может, дашь шанс бедняге?

— Да я вот уже думаю над этим, — хихикнула Ирка.

— Кто он хоть, чем занимается?

— Профессор в каком-то универе. — Ирка сердито крутанула руль и показала неприличный жест водителю соседней машины, не пожелавшему ее пропустить. — Вроде солидный дядька, а ведет себя как школьник.

— И как же ты его подцепила?

— Ой, это та еще история! Он кредит получать пришел...

Пока мы ехали, Ирка щебетала и щебетала, то и дело прерывая свою речь гортанным смехом, а я слушала и привычно недоумевала, насколько же по-разному складывается у людей жизнь. Пусть Ирка стройнее и привлекательнее меня, но супер-пупер-красавицей ее никак не назовешь, однако от мужчин, судя по ее рассказам, просто отбоя нет. Не то что у меня...

— Вот выйдешь за него замуж, будешь профессоршей, — вставила я и свою реплику, когда подруга наконец-то примолкла.

— А чего, я не против, — довольно разулыбалась Ирка. — Как промежуточный вариант профессор вполне сойдет. Хотя лучше бы, конечно, подвернулся кто-то поинтереснее. Я так поняла, что зарплаты у них в вузе ну никак не

космические. И к тому же, чует мое сердце, в постели он может оказаться таким же занудой, как в разговорах...

Этот день получился куда приятнее вчерашнего. Весело болтая, мы погуляли по Нескучному саду, прошли по набережной, поели в кафе мороженого из зеленого чая. Ирка даже предложила прокатиться на теплоходе, но я отказалась от такой затеи, решив, что она обойдется слишком дорого. Лучше уж на эти деньги посидеть вечером в ресторане и выпить хорошего кофе.

Мы уже двигались к выходу из парка, когда Ирка, увидев что-то впереди, толкнула меня локтем.

— Смотри, тумба буккроссинга! Я читала в интернете, что их в каждом парке сделали. Пошли посмотрим, какие книжки люди нынче отдают?

Пока Ира копалась в стопке руководств по правильной жизни, я полистала несколько романов из женского фэнтези, отложила себе парочку, и тут взгляд наткнулся на что-то странное. В первый момент я даже не поняла, что меня удивило, и только чуть позже сообразила, что на одной из полок среди книг почему-то стоит тетрадь. Обычная такая толстая тетрадь в зеленой кожаной обложке.

Мне стало любопытно, что она тут делает. Сняв тетрадку с полки, я раскрыла ее наугад и увидела, что страницы аккуратно заполнены от руки красивым, мелким, но разборчивым почерком. Кто-то явно старался, когда писал. Вероятно, текст предназначался для чужих глаз, хотя, может быть, автор просто был аккуратным человеком, из породы отличников и педантов.

«Пульт от жизни» — значилось сверху страницы. Заинтересовавшись, я принялась читать дальше.

Пульт от жизни

Поздний вечер. В комнате темно. И только большой плазменный экран на стене отвлекает от ненужных мыслей яркими картинками, бессмысленной болтовней и надоедливыми мелодиями рекламных роликов...

Я не люблю телевизор. С каждым днем там все меньше и меньше того, что могло бы увлечь, зацепить, на что хотелось бы потратить свое время. А потому я просто щелкаю пультом, пролистывая каналы один за другим. Перед глазами проносятся кадры, лица, пейзажи, логотипы, обрывки фраз, фрагменты звуков, как бесконечный пестрый хоровод... И хороводом этим управляю я при помощи маленькой кнопочки пульта.

Как жаль, что такой же пульт не прилагается к жизни. Ведь тогда все было бы так просто и легко: надоело смотреть скучный сериал собственных будней – раз! – и вот ты уже погружаешься с аквалангом на дно океана. Устал постоянно выяснять отношения с женщиной, которая тебя не понимает, один клик – и ее больше нет в твоей жизни. Просто нет, и все. Без всяких ссор, скандалов и потрепанных нервов... В любой момент ты можешь переключить свое настроение с унылого на отличное, ненавистную работу – на профессию своей мечты, усталость – на отдых, одиночество – на любовь...

Но ведь если подумать, то во всем этом нет никакой фантастики, и подобным «пультом» обладает каждый из нас. Просто не все умеют им пользоваться. А некоторые и вовсе не знают, где он есть такой... А он лежит себе тихонечко – под рутиной страхов, комплексов, сомнений... Лежит и ржавеет. Потому что неуверенность в себе и нежелание быть хозяином собственной судьбы никак не дают им воспользоваться

по назначению: нажать кнопку и переключить канал собственной жизни с надоевшего на интересный. А может, просто лень? Вот и сидим так всю жизнь – на воображаемом диване перед воображаемым экраном, и смотрим не то, что хочется, а то, что показывают, и медленно засыпаем от усталости и скуки... Так, может, все-таки стоит дотянуться до «пульта»?

Я очнулась, только когда почувствовала руку Ирки на своем плече.

– Ты что там такое интересное читаешь, что даже не слышишь, как я тебя зову? – осведомилась подруга.

– Представляешь, нашла среди книг рукописную тетрадь...

– Кто-то из студентов оставил конспект? – предположила Ирка. – Хотя нынешние студюозусы небось и не знают, как это – от руки конспектировать лекцию. У них все в цифре, и тексты, и аудио. У нас-то в свое время не было такой лафы.

– Нет, это не конспект. Скорее что-то вроде сборника рассказов или эссе.

– И что, хорошо написано?

– Ну, я пока еще только один текст прочла. Но мне понравилось. Как будто это обо мне...

Я открыла тетрадь на первой странице, потом пролистала до последней. Действительно, похоже на сборник – в основном отдельные фразы или короткие, на одну, максимум на несколько страниц, аккуратно написанные тексты, какие-то с названиями, какие-то просто отделены друг от друга звездочками.

— Кто-то отчаялся пропихнуть в издательство свои опусы и решил донести их до читателя таким оригинальным образом? — усмехнулась подруга.

— Вряд ли. — Я покачала головой, все еще изучая зеленую тетрадь. — Тут вообще нигде нет никаких имен. Ни автора или авторов, ни каких-то координат владельца.

— Ну что, пошли дальше? — Ирка уже начала скучать.

— Пожалуй, возьму домой и почитаю, — решила я, укладывая свою находку в сумку.

Ирка рассеянно кивнула, она явно потеряла к этой таинственной зеленой тетради всяческий интерес. Взглянув на часы в телефоне, подруга заметила:

— По-моему, самая пора перекусить. Надеюсь, ты не забыла, что обещала показать мне какое-то новое классное местечко? Так что давай веди.

Уж на что, на что — а на это меня уговаривать точно было не надо. Кафе и рестораны я всегда любила, так что мы с Иркой посещали их при каждом удобном случае. Это хобби было моей отдушиной. Денег, конечно, на подобные вылазки уходило немало, за что мне здорово доставалось от мамы, но оно того стоило.

Так что вечер мы провели в симпатичной кафешке, где можно было и вкусно поужинать, и полакомиться прекрасно сваренным кофе. Помня о ждущих дома паровых котлетках и вареных овощах, я за ужином оторвалась по полной, даже заказала второй десерт. И пускай эти посиделки влетели в копеечку (опять придется экономить на обедах на работе и брать ссобойку), домой я все равно вернулась в приподнятом настроении.

Но какая же бочка меда без ложки дегтя? На моем тернистом жизненном пути таких, увы, не встречается. Дома

меня ждала мать, крайне недовольная тем, что я не позволила и не предупредила, что не приду ужинать. Моих возражений, что все это было сказано еще утром, она принципиально не желала слышать.

Отлично понимая, что поток ее нравочений может не иссякнуть до самой полуночи, я прихватила сумку с тетрадью из буккроссинга и закрылась в своей комнате. Мне не терпелось почитать остальные тексты. Интересно, они все написаны в том же духе, что и «Пульт от телевизора», и если да, то о чем они? Было очень любопытно, кто ж такой вел эту тетрадь и зачем. Вряд ли кто-то выписывал понравившиеся чужие мысли и эссе, как было модно во времена юности моей бабушки — сейчас уже никто так не делает, а тетрадь явно современная. Конечно же, кто-то сочинил все это сам. Но почему писал от руки, а не на компьютере? Все эти вопросы интриговали, заставляя чувствовать себя причастной к волнующей тайне.

Я разложила диван, устроилась поудобнее, подтянув подушку под спину, и, прежде чем распахнуть обложку, загадала: пусть первая фраза, которую я прочту, определит мою дальнейшую судьбу. После чего раскрыла тетрадь наугад и прочла название очередного рассказа: «Начинать никогда не поздно».

* * *

— И что ж там было, в этом рассказе? — осведомилась Ирка, поднося ко рту чашку и аккуратно схлебывая пышную розовую пену. В этой кофейне, одной из моих любимых, где мы с подругой встретились после работы, подавали цветной кофе и радужные пироженки, что

казалось просто бальзамом на раны после бесконечного утомительного дня, проведенного на ненавистой работе.

— Тебе, наверное, это покажется странным... Может быть, даже глупым...

Я помолчала и все-таки протянула руку к своей чашке. На белой пене ловкие руки бариста изобразили диковинный разноцветный цветок, такой красивый, что просто жаль было его трогать. И в сладкой нотке аромата, пришепивавшегося к запаху кофе, тоже чувствовалось что-то особенное и даже немного фантастическое.

— Ну, совсем заинтриговала! — фыркнула Ирка. — Хватит уже интересничать, давай рассказывай.

— Понимаешь... Там, в тетради, вообще много текстов, и все они по-своему любопытны. Но этот, который «Никогда не поздно начинать»... Он особенный. В общем, если вкратце, то это простая история о женщине, которая в сорок три года взяла и — раз! — кардинально изменила свою жизнь.

— Любовника, что ли, нашла? — недоверчиво хмыкнула подруга и отломилла ложкой сразу треть разноцветного пирожного. — Тоже мне особенная история! Да таких миллион, что в книжках, что в кино. Разве что в реальности они редко...

— Да не любовника! — сердито перебила я. — В личной жизни у нее как раз все нормально было. Муж хороший, дочка взрослая, замужем уже. Этой женщине, ее Лилией звали, только с работой не повезло. Она мечтала работать на телевидении, но после школы поступила в юридический. Родители настояли, ну, знаешь, как это бывает...

— Мне ли не знать, — промычала Ирка с набитым ртом. — Я тоже всю старшую школу хотела стать моделью. Но сейчас, конечно, не жалею. Хотя...

— И так как юрист из Лилии не получился, — продолжала я, — то она устроилась в судебный архив. Скучно, и зарплата копеечная, зато к дому близко. Так она и жила до тех пор, пока ее дочка не вышла замуж и не собралась родить ребенка. И не сказала ей: «Мам, ты все равно свою работу не любишь, так увольняйся! Будешь сидеть с внуками».

— Вот бы моя мама обрадовалась, если б такое услышала! — криво усмехнулась Ирка. — А то мне мои родичи последнее время тоже стали слишком уж часто на внуков намекать. От твоей матери заразились, что ли? Но я им так и сказала: «И не надейтесь!» Только мне еще спиногрызов не хватало... Ладно, рассказывай дальше.

Я снова вернулась к истории из зеленой тетради:

— Лилия как раз совсем не обрадовалась, а даже наоборот. Ей ведь всего сорок три года было! Вот она и подумала: неужели это уже все, жизнь кончена? Неужели только и осталось, что засесть дома, нянчить внуков, вязать носки, смотреть телешоу и сплетничать с соседками? И больше она ни на что не годится, больше ее ничего в жизни не ждет? Как-то раз шла она по улице, думала об этом, грустила. И вдруг услышала обрывок разговора за спиной. Кто-то сказал фразу, заставившую ее вздрогнуть: «Ты живешь только раз». И после этих слов у нее точно внутри что-то перевернулось. Вот она и приняла окончательное решение... Ира, ты что, не слушаешь меня?

Подруга и впрямь, похоже, отвлеклась и глядела в сторону.

— Ну да, извини, — откликнулась она без тени, впрочем, неловкости в голосе — смущаться вообще было не в ее характере. — Засмотрелась вон на того мужика за дальним столиком.

— Что, твой типаж? — подколола я подругу, обидевшись на то, что та отвлеклась от моего рассказа. — А как же твой профессор?

— Слился профессор, — нарочито беспечно отозвалась Ирка. — После той, первой, свиданки больше ни слуху ни духу. Ну да и хрен с ним. Давай лучше про эту твою тетку из зеленой тетради. Что там с ней дальше было?

— А дальше она уволилась с нелюбимой работы. — Я снова вернулась к истории, произведшей на меня такое сильное впечатление. — Но не для того, чтобы сидеть с внуками, а чтобы получить второе образование. Помнишь, я говорила, что Лилия всю жизнь мечтала о телевидении? Вот она и поступила в вуз, где учат таких специалистов.

— В сорок три года? — удивленно хмыкнула Ирка. — Крутая, однако, баба. Молодец. Респект и уважуха. И что, получилось у нее?

— Получилось, — кивнула я. — Как я поняла, Лилия, пока училась в вузе, завязала нужные знакомства и с их помощью устроилась на какой-то кабельный телеканал. Сначала на небольшую должность, но через четыре года стала ассистентом режиссера — или как это у них там называется — на одном из ведущих телеканалов, в «Останкино». Вот такая история.

Должно быть, я слишком пристально смотрела на Ирку, потому что она почувствовала, что я жду ее реакции, и пожала плечами.

— Не, ну а что тут сказать? Здорово придумано.

— Да в том-то и дело! — неожиданно для себя я повысила голос, так, что на нас даже оглянулась пара за соседним столиком. — Это не придумано, Ир! — добавила я уже тише. — Это реальная история, из жизни. Тот, кто писал все это, сам был знаком с этой Лилией, понимаешь? Своими глазами за ней наблюдал, она сама ему эту историю рассказала. Или ей — там, в этой в тетради, не поймешь, кто автор, мужчина или женщина.

— Вообще в книжках часто так делают, — не сдавалась Ирка. — Придумают, а потом пишут, мол, сам лично видел и слышал. Такой литературный приемчик.

— Господи, да хоть бы и так! — Впервые за много лет я чувствовала, что подруга не понимает меня, и это вызвало сильную досаду. — Не в этом же дело, Ир! А в том, что эта история как будто специально написана для меня! Чтобы я ее прочла и сделала выводы. Так что я тоже подумала-подумала, да и решила попробовать изменить свою жизнь.

— Ты?! — Ирка округлила ярко накрашенные глаза. — И как же именно?

— Решила, что тоже попробую заняться любимым делом, — скромно призналась я. — Мне ведь даже не сорок три, мне на семь лет меньше, чем этой Лилии. И у меня тоже когда-то была мечта...

— Знаю, — кивнула Ирка и отправила в рот последнюю ложку с остатками разноцветного пирожного.

Конечно, она знала — ведь я несчетное число раз говорила, как хотела бы владеть собственной кофейней. Из всех кафе и ресторанов я больше всего любила кофейни и кондитерские с вкусными десертами и хорошим кофе.

Кофе всегда был моей страстью, с детских лет, когда бабушка была еще жива и варила его себе каждое утро, наполняя кухню упоительным ароматом. Весь этот ритуал — как бабушка молола звонкие крепкие зернышки в ручной кофемолке, с деревянным, похожим на прикроватную тумбочку основанием и железной ручкой наверху, как грела на плите закопченную турку с восхитительно пахнущей жидкостью, не давая ей закипеть и ухитряясь снять с огня именно в тот самый миг, когда на поверхности появится пена, как наполняла маленькую чашечку с незабудками из тонкого, почти прозрачного фарфора — представлялся мне священнодействием. Приготовление кофе казалось чем-то колдовским, а бабушка виделась доброй волшебницей, способной творить настоящие чудеса. Конечно же, мне безумно хотелось попробовать этот удивительный напиток, но — разумеется — мне этого не разрешали. «Детям кофе вредно! — категорично заявляла мать. — Да тебе и не понравится. Пей лучше какао». И я пила, но это оказывалось совсем, совсем не то, ведь в какао и в помине не было ореола волшебства и запаха тайны...

Потом бабушка умерла, вместе с ней из нашей семейной жизни исчезло много хорошего, в том числе и кофе. Мать его никогда не любила, заявляла, что «горько и вообще вредно». Но как только я подросла настолько, что мать стала выпускать меня из дома одну, я сразу же принялась копить карманные деньги и, собрав наконец достаточную, по моему мнению, сумму, отправилась в ближайшую сетевую кофейню. До сих пор помню эту вылазку вплоть до мельчайших подробностей, все волнения и страх, что меня сочтут слишком маленькой и не пу-

стоят в кафе без взрослых или что может не хватить денег. Пока я ерзала на неудобном венском стуле за самым дальним столиком, а ко мне шла тоненькая веснушчатая официантка в фирменном коричневом фартуке, сердце чуть не выпрыгнуло из груди, а меню в потрепанной кожаной папочке дважды выпадало из рук. Но все обошлось, никто меня из кафе за малолетство не выгнал, и оказалось, что моих сбережений хватит не только на кофе, но даже еще и на пирожное. Не зная, сколько надо класть сахара, я с перепугу заполнила им чашечку чуть ли не на четверть. Это был латте, и когда я пила его, мне отчего-то представился белоснежный, как пышная пенка, океанский лайнер, плывущий в лучах яркого солнца мимо тропических островов с пальмами и тихим шелестом волн на золотых пляжах. Даже несмотря на перебор с сахаром, вкус кофе показался божественным. Еще лучше, намного лучше, чем представлялось в детских мечтах. Наверное, именно в тот миг я и дала себе слово, что когда вырасту, обязательно...

— То есть ты решила открыть свою кафешку? — поинтересовалась Ирка, вернув меня из прошлого в настоящее. В ее голосе явно сквозило сомнение.

— Ну нет, так далеко мои планы не распространяются, — призналась я. — Слишком большая конкуренция. Да и стартовый капитал нужен, а где его взять? Но я решила выучиться на бариста. Знаешь, все эти дни я штудировала интернет, искала ролики, вебинары, подкасты по теме. И вот что... В общем, все выглядит не так уж сложно. Думаю, если постараться, я смогу освоить искусство приготовления кофе на профессиональном уровне — а стараться я обязательно буду.

— В смысле «освоить»? — Идеальные (мне таких никогда не заполучить) брови подружки взметнулись на лоб. — Ты же и так хорошо варишь кофе. Вон какой у тебя опыт в этом деле — ты ведь его каждый день хлещешь ведрами.

— Но это совсем другое, Ир, как ты не понимаешь...

Кажется, сегодня мы с ней говорили на разных языках.

Подруга надолго замолчала, что обычно было ей совсем не свойственно, и я в конце концов не выдержала:

— Что скажешь?

— Ну-у... По-моему, неплохо придумано. — Ира взяла салфетку и аккуратно промокнула уголки губ. — Но, знаешь, мне кажется, что все эти подкасты и вебинары — это как-то несерьезно. Сама посуди — ну как можно научиться готовить кофе по интернету?

— Не только по инету, — попыталась объяснить я. — Бывают и онлайн-мастер-классы. Я записалась на один такой, нашла бесплатный, он будет в следующие выходные.

— Все равно это полумера. — Ирка решительно тряхнула своими роскошными длинными волосами. — Ну сходишь ты туда и что? Чтобы стать настоящим профессионалом, нужно как минимум закончить курсы.

Ох...

— Уже думала об этом, — согласилась я. — И даже видела объявление о курсах с последующим трудоустройством. Но они такие дорогие! Почти ползарплаты.

— Что подделаешь, за все в этой жизни надо платить, — рассудительно заметила Ирка.

— Понимаешь... — Я продолжала делиться своими соображениями, ведь с кем мне еще было посоветоваться о та-

ких важных вещах, как не с единственной подругой? — Дело даже не в деньгах. Они у меня есть, я накопила, мы же с тобой летом в Сочи собираемся... Но, допустим, окончу я курсы, получу сертификат или как это там называется. А потом что?

— Как это «что»? — воодушевилась Ирка. — Ты ж сама говоришь, что курсы с последующим трудоустройством. Уволишься из своей шарашкиной конторы и будешь работать в кофейне.

— Что, прямо вот так взять и уволиться?

— А почему нет? Тебе необходима встряска, чтобы наконец-то изменить жизнь.

— Страшно, — пробормотала я.

— Жить вообще страшно, — философски заметила Ирка. — Вдруг выйдешь на улицу, а тебе кирпич с неба прямо на голову.

— Лучше бы чемодан денег, — продолжила я нашу старую шутку. — Причем вместе с его молодым красивым владельцем.

— Это, увы, не про нас, — вздохнула Ирка. — А вот напрячься, чтобы хоть немного приблизиться к мечте, мы можем. Так что вперед, Катька, я за тебя всеми руками и ногами!

— Но, Ирриш... — сомнений у меня оставалось все еще слишком много, чтобы можно было принять решение вот так легко. — Бариста — это ведь работа с людьми... А ты ведь знаешь, как мне тяжело дается общение, особенно с незнакомыми.

Это было чистой правдой. Не то чтобы я боюсь людей, но всю жизнь как-то трудно с ними схожусь. Да и не умею вести себя свободно, как Ирка, которая всегда находит,

что сказать, а я вечно говорю что-то не то, а потом долго это вспоминаю и сгораю от стыда.

— А кто тебя заставляет общаться? — тут же возразила Ирка. — Ты же не психологом станешь и не официантом даже. Тебе заказали кофе — ты сварила. «Спасибо» — «Пожалуйста, с вас сто рублей». И общаться ты будешь не с людьми, а со своим любимым напитком в виде латте, эспрессо, американо, капучино и что там еще бывает.

Слова подруги просто бальзамом лились в мою мятущую душу.

— Как я рада, что ты у меня есть. — Я расчувствовалась, даже ощутила, как к глазам подступают слезы. — Мать-то меня в жизни не поддержит...

— Зато я тебя всегда поддержу, — заверила Ирка. — В любом начинании. Например, если ты сейчас решишь заказать еще по пироженке.

Всю дорогу, добираясь на метро из центра в наш спальный район, я думала о словах Ирки. Собственно, подруга только озвучила мои собственные мысли, ведь я сама уже почти решила, что, получив новую специальность, уволюсь из своей фирмы. И в конце концов, поднимаясь по эскалатору, я загадала: если мне, как Лилии из зеленой тетради, тоже суждено раз и навсегда изменить свою жизнь, то на пути до дома судьба обязательно даст мне какой-то знак. Что именно это будет, я сама не знала и потому, шагая по улице, внимательно смотрела по сторонам и прислушивалась к разговорам прохожих — вдруг, как и Лилия, услышу какую-то подсказку? Но вокруг все было как обычно: сумерки теплого весеннего вечера, шум автомобилей, свет окон, витрин

и фонарей, запах машин и бессмысленная болтовня по мобильникам. Ничего из этого и близко не напоминало знак судьбы.

Уже почти полностью разочарованная, я свернула к своему дому как раз вовремя: начал накрапывать дождь. Я машинально вытянула руку, определяя, не показалось ли мне, — и тут прямо в мою раскрытую ладонь опустилось маленькое белое перышко.

* * *

С курсами все оказалось настолько просто, что я только ахнула. Сначала почему-то представлялось, что меня ждет нечто вроде второго университета с долгими месяцами обязательного посещения пар в толпе однокашников, но тут все выглядело совсем иначе. Программа курсов не свалила все в одну кучу, как было в моем вузе, а делилась на специализированные, короткие насыщенные циклы, чтобы каждый студент мог выбрать для себя именно то, что ему нужно в данный момент, выучив что-то сейчас, а что-то отложив на потом. Я решила начать с базового курса и продвинутого курса «Латте-арт» и три недели по вечерам и выходным старательно посещала индивидуальные занятия, на которых милостивая девушка Елена и симпатичный парень Антон (оба как минимум лет на двенадцать младше меня) показывали, как священнодействовать с кофемашиной, создавая настоящие шедевры — и по вкусу, и по аромату, и по красоте. Кое-что из того, чему меня обучали, я уже знала: все-таки недаром столько лет читала статьи и смотрела соответственные про-

граммы по телевизору и подкасты в интернете, — но было и такое, что я услышала первый раз или о чем знала, но сама не умела. Так что о потраченных на обучение деньгах я ничуть не пожалела. Особенно когда по окончании курсов мне выдали красивый сертификат и подтвердили, что в любую минуту готовы трудоустроить меня в качестве бариста, как только я сама изъявлю такое желание.

Печатая на своем рабочем компьютере заявление об уходе, я испытывала очень смешанные чувства. Основной явно было облегчение: сильно радовало то, что мне больше никогда не придется терпеть придирки Змеюки и видеть всех этих неприятных людей. Но в то же время я не могла не испытывать определенную долю горечи: все же этому месту и этой компании я отдала столько лет... И после того как я положу заявление на стол руководству, моя жизнь уже никогда не будет прежней. Это было дико страшно, но одновременно и приятно волновало. Я допила кофе, который сегодня особенно бодрил и пах свежим ветром и решительностью, подхватила вылезший из принтера листок и пошла в кабинет Змеюки, непривычно громко даже для самой себя стуча каблуками.

— Екатерина, вы меня удивляете...

Директриса и впрямь выглядела ошарашенной — не ожидала, видимо, подобной выходки от той, кто столько времени безропотно терпел все ее издевательство.

— Я отработаю положенные законом две недели... — сообщила я. Несмотря на то что эта фраза была подготовлена заранее, голос предательски дрожал — не так-то

просто избавиться от старой привычки робеть перед начальством.

— До конца месяца, — закончила я, изо всех сил стараясь не запинаться.

— Может, вы все же еще подумаете?

Было такое чувство, что Змеюка не столько разозлилась, сколько растерялась.

— Ведь вся офисная жизнедеятельность держится на вас, — продолжила начальница.

Тут уже настала моя очередь удивляться. С каких пор она это признает?

— Но двух недель хватит, чтобы найти мне замену. Я помогу с обучением, — мой голос теперь действительно звучал увереннее.

— Да не в этом дело! — воскликнула Змеюка и для пущего эффекта даже взмахнула традиционнo унизированной кольцами рукой. — Просто это так неожиданно... Вас что, кто-то переманил к себе?

Мне стало смешно. Да как вообще такое можно подумать? Кому может прийти в голову куда-то переманивать **меня**?

И поскольку я сразу не нашлась, что ответить, Змеюка, устремив на меня взгляд, в котором впервые за все время нашего знакомства читалось не презрение, а просьба, пробормотала:

— В принципе, мы можем обсудить с вами повышение вашего оклада. Я поговорю с вышестоящим руководством...

Чудеса в решете. С чего такие перемены? Но я была уже решительно настроена на увольнение, поэтому лишь отрицательно покачала головой. Дома лежал аккуратно упакованный в файл сертификат об окончании курсов,

и никакие дополнительные несколько тысяч в месяц не могли сбить меня с намеченного пути.

До конца рабочего дня я только и делала, что продолжала удивляться. Новость о моем уходе быстро разнеслась по офису, и все коллеги, которые раньше, как казалось, в упор меня не замечали, подходили к моему столу один за другим, утверждая, что мое увольнение — большая потеря для компании. Даже надменная долговязая Олеся, новый менеджер по рекламе — и та выглядела искренне огорченной.

— Тут же все без тебя рухнет, — пробормотала она и угостила дорожкой швейцарской шоколадкой.

Последней каплей стали слова хипстера Миши, заявившего, что он будет по мне скучать.

— Не представляю, что приду на работу, а в офисе не будет пахнуть твоим замечательным кофе, — произнес он со своей вечной неотразимой улыбкой. — У тебя он почему-то пахнет как-то особенно, как ни у кого.

Я была так тронута, что даже чуть не разболтала ему о своих планах, но вовремя прикусила язык. Чем меньше говоришь, тем меньше шансов сглазить.

Ночью я долго не могла уснуть, все ворочалась с боку на бок и думала, что Ирка, возможно, права и что основная проблема в общении с коллегами крылась у меня в голове. Оказывается, люди относились ко мне совсем не так плохо, как я считала. И, возможно, многие из них вовсе и не были токсичными, как называла их Ирка. Ведь им тоже пришлось нелегко: они начали работать на новом месте, в незнакомом коллективе, и, видя меня первый раз, сами вполне могли принять мою замкнутость и сдержанность за недоброжелательность... Странно,

что мне это раньше даже в голову не приходило. Но теперь уже ничего не попишешь, что было, то было, вернуться назад и исправить ошибки, пока, увы, никому еще не удавалось.

После того как Александра Павловна со вздохом подписала мое заявление, оставалось самое тяжелое — разговор с матерью. Я несколько дней подряд обдумывала, как преподнести ей новость, но идеального сценария беседы разработать так и не удалось — как ни крути, но зависеть все будет не от меня. Начала разговор я в пятничный вечер. После традиционно безвкусного ужина мать, как обычно, сидела перед телевизором, смотрела очередной сериал и вязала теплые носки, которым предстояло стать подарком мне на день рождения. Когда серия закончилась и началась реклама, я выключила телик, повернулась к матери и решительно произнесла:

— Мне надо кое-что тебе сказать.

— Ты беременна? — встрепенулась мать, чуть не выронив вязание, и я не поняла, чего больше было на ее лице, испуга или радости.

— Нет, конечно! Господи, с чего ты взяла?

— Не знаю. Но разве не с этих слов девушки начинают, когда признаются родителям в своей беременности?

— Откуда я знаю? Я никогда не была беременна.

— А жаль, — заключила мать, снова беря в руки спицы.

Сюр какой-то. И как после этого прикажете продолжать? Ладно, все равно назад дороги нет.

— Я увольняюсь.

Ответом была тишина. Я снова посмотрела на мать — та ничего не говорила, только считала шепотом петли, и это сильно раздражало.

— Ты же знаешь, что я не люблю свою работу, да и получаю копейки, — продолжила я, сама слыша неприятную дрожь в собственном голосе. — В общем, я не хочу остаток жизни потратить на что-то подобное.

Она зыркнула на меня поверх очков:

— И ты нашла работу лучше?

— Пока нет, но скоро найду.

Мать молчала, а я замерла, готовясь к тому, что с минутой на минуту разразится скандал.

— Ну, месяц-другой мы вдвоем на мою пенсию еще проживем... — задумчиво проговорила она, когда пауза уже стала казаться мне невыносимой. — Запасы есть, я только сегодня гречки купила...

— Слушай, ну что ты такое говоришь! — возмутилась я. — Уж конечно, я увольняюсь вовсе не для того, чтобы сесть тебе на шею. У меня есть план, я уже окончила курсы с последующим трудоустройством и получила новую специальность. Так что работа будет!

— И что за специальность? — мне показалось или в ее голосе зазвучал интерес?

— Бариста.

— Это еще что такое? — хмыкнула мать. — Звучит как проститутка.

Я прикусила губу, чтобы не заорать.

— Профессия есть такая — люди, которые готовят кофе, — объяснила я, с трудом взяв себя в руки. — Как бармен, но только специализирующийся на кофе.

— Так ты же умеешь варить кофе, — удивилась мать.

— Умела, но как любитель, — терпеливо объяснила я. — Чтобы работать профессионально, моих умений было недостаточно.

— Так вот где ты пропадала вечерами... — пробормотала мать, не переставая орудовать спицами. — А я-то грешным делом порадовалась, что у тебя кто-то появился...

— Опять ты за свое! Слушай, ну сколько можно, а? — Я решительно поднялась с дивана, собираясь выйти из комнаты.

— И дорогие они были, эти твои курсы? — остановил меня ее вопрос.

— Да какая разница? — огрызнулась я. — У меня нашлись деньги.

— Те, что ты на отпуск весь год копила? — Мать осуждающе покачала головой. — А теперь, получается, все лето без отдыха в городе просидишь, в пыли и духоте?

Ну почему, почему у нас никогда не получается поговорить без конфликта?

— Слушай, с тобой невозможно разговаривать! — все-таки не выдержала я. — Как ты не понимаешь, что для меня воплощение мечты куда важнее поездки на море!

Я уже готова была выйти не просто из комнаты, но и сбежать хоть на время из дома, так меня это все измучило. Но мать вдруг поднялась, забрала свое вязание и сама направилась к двери.

— Ладно, делай как знаешь, — пробурчала она, покидая мою комнату. — Это твоя жизнь, и ты уже достаточно взрослая, чтобы самой ею управлять.

Она ушла к себе. Я торжествовала. В этой битве я одержала верх, и все получилось даже легче, чем я ожидала. Впервые в жизни я, кажется, взяла в руки пульт от собственной жизни, о котором писал автор зеленой тетради...

* * *

Удивительное везение продолжалось и дальше — уже в понедельник утром мне предложили работу. До этого, признаться, я сильно боялась, что обещания курсов обманут и мне придется искать место самой. Такая перспектива невероятно, до дрожи в коленках, пугала, даже несмотря на то что, как неожиданно выяснилось, найти в Москве работу в кофейне было не так уж трудно. На сайтах по трудоустройству, куда я на всякий случай заглянула, внезапно обнаружилось много вакансий для бариста — уж куда больше, чем для секретарей в возрасте под сороковник.

Работать мне предстояло в маленькой кофейне при продуктовом магазине в десяти минутах ходьбы от кольцевой станции метро. Собственно, это была даже не кофейня в полном смысле этого слова, а просто стойка в углу рядом со входом в универмаг. Места в том закутке было мало, даже стулья для посетителей поставить негде, так что кофе продавали только навынос, в бумажных стаканчиках с логотипом магазина, но это меня, пожалуй, даже устраивало, так как ограничивало общение с клиентами. Получалось, что мне не придется каждый раз преодолевать свою застенчивость, разговаривая с незнакомыми людьми: выполнила заказ, забрала деньги, отдала стаканчик — и до свидания.

Понравилось мне и то, что здесь, в отличие от прежней работы, меня почти никто не контролировал. Начальник, он же директор магазина, пожилой кавказец, которого все в глаза и за глаза звали Рафик (только позже я с удивлением узнала, что это и есть его полное

имя, а не сокращенное и тем более не прозвище), был слишком занят, чтобы следить за мной, как это, бывало, постоянно делала Змеюка. Он лишь иногда заглядывал ко мне в течение дня да забирал по вечерам выручку. Работать предстояло по графику «два через два», в очередь с молодой девушкой Светой, всего месяц назад приехавшей в столицу из Перми. Света мечтала стать вокалисткой в рок-группе, а в ожидании успеха и славы устроилась подрабатывать в качестве бариста. К моему изумлению, она даже не заканчивала никаких курсов, не говоря уже о более серьезном образовании, а обучилась варить кофе сама, у двоюродного брата, который держал кофейню в родном городе. Из любопытства я сразу же после знакомства попробовала ее кофе и с гордостью убедилась, что мой гораздо лучше.

К первому своему рабочему дню я готовилась очень тщательно, точно собиралась на свидание с любимым мужчиной. Очень радовало то, что больше не требовалось соблюдать дресс-код и можно носить то, что удобно, а не туфли на каблуках и строгие офисные костюмы, которые, как ни подберишь, все равно неудачно сидели на моей, мягко говоря, весьма далекой от идеала фигуре. А для работы в кофейне я надела любимые летние брюки и новую черную футболку с принтом. Покупка футболки влетела в копейчку, но очень уж мне понравился рисунок — пушистое белое перо, похожее на то, что упало мне в руки в тот самый вечер, когда я приняла решение изменить свою судьбу.

Конечно, идя первый раз на новую работу, я страшно волновалась. Все-таки придется иметь дело с людьми, а с моим характером это совсем непросто. Вдруг я не

справлюсь? Вдруг клиенты будут мной недовольны или директору Рафику что-то не понравится и он сразу же уволит меня? Чтобы хоть немного успокоить себя, я прибегла к испытанному средству и загадала: если первым моим посетителем будет мужчина и он уйдет довольным, то все будет хорошо и вся моя дальнейшая карьера сложится удачно.

На рабочем месте я была задолго до восьми и долгое время оставалась в гордом одиночестве. В ожидании старательно протирала стойку и уже отполировала ее до блеска, а клиентов все не было. Редкие посетители входили в магазин и, часто даже не посмотрев в мою сторону, сразу направлялись в торговый зал. Но вот наконец-то один из них свернул от дверей прямо ко мне, и сердце радостно стукнуло. Это был мужчина! Блондин лет сорока, да еще к тому же и очень привлекательный. Высокий рост, широкие плечи и ухоженная рыжеватая борода делали его похожим на викинга. Он заказал капучино, и, готовя для него кофе, я старалась так, словно решала вопрос жизни и смерти... А когда викинг, расплачиваясь картой, улыбнулся мне, точно старой знакомой, я почувствовала себя на седьмом небе от счастья. Это явно был знак судьбы, причем добрый знак. Я все сделала правильно!

Следом за викингом потянулись и другие клиенты. Вскоре я поняла, что напрасно беспокоилась — жаловаться на недостаток посетителей совсем не приходилось. Вокруг, очевидно, было немало офисов, и их сотрудники заходили за кофе перед работой, а едва их поток иссяк, появились студенты близлежащего вуза. Все были милы и вежливы, я в ответ улыбалась каждому посетителю,

и, на удивление, это оказалось совсем не сложно, ведь на душе у меня было так же светло и солнечно, как в этот погожий день за окном. Я занималась любимым делом, с наслаждением купалась в волнах кофейного аромата и чувствовала себя принцессой, владычицей собственного, пусть маленького, но волшебного королевства. Моя сказка, моя заветная мечта стала былью.

На счастье, поток клиентов оказался неравномерным, что называется, то густо, то пусто, так что в течение дня я целых четыре раза успела перекусить, выпить кофе с купленными тут же, в магазине, сэндвичами и пирожными. И в итоге рабочий день пролетел быстро, даже не смотря на то что в нем было не восемь, как я привыкла, а целых четырнадцать часов. Домой я возвращалась уже затемно, не чуя под собой ног от усталости, но при этом чувствуя себя абсолютно счастливой. Час пик давно прошел, в метро было полно свободных мест, и, с комфортом устроившись на сиденье, я всю дорогу переписывалась с Ирккой, делаясь с ней своими восторгам. Подруга, как всегда смотревшая на вещи практично и трезво, пыталась несколько охладить мой пыл сообщениями в стиле: «Ну-ну, поглядим, что будет дальше», но я не сомневалась, что и дальше все тоже будет хорошо. Не зря ведь я надела майку с перышком! И первым покупателем оказался мужчина, да еще и симпатичный...

Дома я была почти в одиннадцать. Обычно мать в это время уже ложилась, но сегодня она изменила себе и ждала меня с горячим ужином. В честь моего первого рабочего дня она сделала исключение и не потчевала меня никакой диетической бурдой, а налепилапельменей и даже купила на рынке густой деревенской сметаны.

— Ну как ты, Катюша? — заботливо расспрашивала мама, сидя напротив меня и наблюдая, как я ем, без намека на обычное осуждение на лице. — Как тебе на новой работе?

— Хорошо, даже очень. Только устала немного.

— Так неудивительно... — Она вздохнула и подперла щеку рукой. — Целый день, с утра до ночи, на ногах... Что поделаешь — сама выбрала. Охота пуще неволи... Но ты и правда довольна?

— Очень, — совершенно искренне ответила я. — Кофе — это ведь *мое*, понимаешь? Это то, чем хотела заниматься всю жизнь.

— Ну и слава тебе, господи... — Мать поднялась, забрала у меня пустую тарелку и, направляясь к раковине, все же не удержалась от вопроса: — А что за люди к тебе ходят? Мужчины-то есть? Может, даст бог, познакомишься с кем-нибудь...

— Ну маааам! Опять ты за свое!..

* * *

Первое время, наверное, несколько недель, я буквально наслаждалась своей работой. Мне нравилось в ней почти все, но особенно, конечно, запах кофе и шипение воздуха из кофемашины, взбивающего молоко в пенку. Я целый день делала то, что всегда любила, и мне за это еще и платили зарплату. Ну просто чудеса какие-то! Вручая клиентам бумажный стаканчик, я воображала себя кофейной феей, раздающей людям волшебство, и действительно почти верила в то, что сваренный мною кофе подарит каждому из них удачу, ведь мне так этого